

КОНЦЕПЦИЯ ИМЕНИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

 Firengiz PAŞAYEVA YUNUS^a

Аннотация

Основная функция имен собственных, несомненно, назывная. Но в то же время эта не единственная присущая собственным именам функция. В них содержится огромная историческая, национальная и социальная информация о том обществе, к которому оно принадлежит, а также о носителе имени.

На сегодняшний день вопросы поэтической ономастики, занимающейся изучением имен в художественном тексте, не рассмотрены полностью и требуют дальнейшего изучения, потому что имя в художественном тексте истинных мастеров слова никогда неслучайно, несет в себе громадный смысл, а порой раскрывает подтекст всего произведения. Имена в художественном тексте не являются зеркальным отражением реальных имен, они преломляются в творчестве автора, согласуются с его направлением и мировоззрением.

Известно, что многие авторы применяют определенные методы при именовании героев в своих произведениях. Кроме этого они нередко создают определенные персонажи и образы в своих произведениях в соответствии с именованием. Когда исследуются собственные имена персонажей в конкретном произведении, можно узнать много информации об общих тенденциях эпохи и уникальных особенностях авторской системы именовании. Имена собственные в художественных текстах представляют собой кодировку социокультурной и прагматической информации. Литературные имена показывают особенности авторской номинации. Способ перевода имен собственных влияет на их смысловую структуру и стилистические особенности. Передача «говорящих» имен в основном основана на объединении внеязыковых (мифологических, исторических, литературных и т. д.) образов в исходном языке и языке перевода.

В статье выделены основные смысловые особенности имен собственных в русской литературе и их функции в художественном произведении.

Ключевые слова: Русская литература, ономастика, типы собственных имен, функции онимов, антропонимический словарь писателя.

^a Prof. Dr., Kafkasya Üniversitesi, Fen-Edebiyat Fakültesi, Rus Dili ve Edebiyatı Bölümü, Kars/Türkiye, firengiz@yahoo.com

THE CONCEPT OF A NAME IN RUSSIAN LITERATURE

Abstract

Although the reason proper names appear is to indicate and point out they do not actually have a pointer function, at the same time, they contain information on many subjects, such as region, nature, national origin, social relations, religious and philosophical views, traditions of the person bearing the name, and are the bearer of culture.

By the look, the examination of proper names is of great importance, the necessary importance has not been given to this issue until today. In particular, literary proper nouns; proper names in literary works are always of great importance. There are reasons for these names to be chosen in the literary language, none of them are randomly chosen by the author.

Many writers use certain strategies when naming heroes in their works and accordingly these, they create a new certain types of characters in their works. Thus, the general limits and characteristic features of the author's name system in literary works are revealed. For this reason also, the study of proper names in the work of a particular author provides important information.

Proper names in the literary text are the encoding of socio-cultural and pragmatic information. In addition, proper literary names reflect the characteristics of their own national nomenclature. The method of translation of proper nouns affects their semantic structure and stylistic features. The transmission of "speaking" names is based on the combination of non-linguistic (mythological, historical, literary, etc.) formations by similar methods in the source and target languages.

The transfer of semantic nouns reveals the basis of the translation meaning of the words and the way the word is made. The article highlights the main semantic features of proper names and their functions in a work of fiction.

Keywords: Russian Literature, onomastics, proper names types, , function of proper name in literary work, anthroponomy dictionary of writer.

RUS EDEBİYATINDA İSİM KAVRAMI

Öz

Özel adların ortaya çıkışının başlıca sebebi, belirtmek ve işaret etmek olsa da, belirtici ve işaret edici işlev özel adların sahip olduğu yegâne işlev değildir. Bu işlevlerin yanında isim, kendisini taşıyan kişinin doğası, bölgesi, milli kökeni, dini ve felsefi görüşleri, yaşam biçimi, gelenek ve görenekleri ile sosyal ilişkileri gibi pek çok konuda bilgi içerir ve bir nevi kültür taşıyıcısı olarak kabul edilebilir. Özel adların incelenmesi büyük önem teşkil eder, ne var ki bugüne dek bu konuya gereken önem addedilmemiştir. Edebi özel adlar; edebi eserlerde geçen özel adlar, eserin, yazarın özyaşam öyküsünün, edebiyat incemelerinin önemli bir parçasını oluşturur. Bu adlar, yazarın özel bir kabulünü sunar ve özellikle seçilme sebepleri vardır, hiçbiri rastgele seçilmiş değildir. Birçok yazarın eserlerindeki kahramanları adlandırmada belirli stratejiler benimsediği bilinir, adlandırmalara uygun olarak da eserinde belirli karakter ve tipler oluşturur. Belirli bir yazarın eserindeki karakter ve tiplerin özel adları incelendiğinde, pek çok bilgi elde edilmesinin yanı sıra yazarın adlandırma sisteminin genel sınırları ve özgün özellikleri ortaya çıkar.

Edebi metinlerde özel adlar sosyokültürel ve pragmatik bilgilerin kodlamasıdır. Edebi özel adlar, özel adbiliminin özelliklerini gösterir. Özel adların çeviri yöntemi, onların semantik yapılarını ve üslup özelliklerini etkiler. "Konuşan" adların aktarımı temelde dil bilimidisi (mitolojik, tarihi, edebi vb.) oluşumların benzer yöntemlerle kaynak dildeki ve hedef dildeki çağrışımına dayandırılır. Semantik isimlerin aktarımı kelimelerin çeviri anlamının esasını ve kelimenin yapım şeklini ortaya çıkarır. Makalede özel adların temel anlamsal özellikleri ve onların sanatsal eserdeki fonksiyonları vurgulanmıştır.

Anahtar Kelimeler: Rus edebiyatı, adbilimi, özel ad türleri, özel adların fonksiyonları, yazarın antroponomik sözlüğü.

Введение

Антропонимическая лексика в произведениях русской литературы играет существенную роль в структурно-семантической организации художественного текста и является результатом освоения и реализации на практике лингвистических законов реального именника.

Антропоним исследуется в единстве качественных и количественных характеристик. В статье привлекается большой антропонимический материал из произведений русской классической литературы (Д.И.Фонвизин, А.С.Грибоедов, А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, А.Н. Островский, М.Е.Салтыков - Щедрин, А.П.Чехов и др.), данные "Словаря древнерусских личных собственных имен" Н.М.Тупикова, "Словаря русских личных имен" Н.А.Петровского, Ономастикона С.Б. Веселовского, "Словаря русской ономастической терминологии" Н.В.Подольской, данные толковых, фразео-логических, этимологических словарей русского языка, а также различных источников, посвященных исследованиям русской и зарубежной антропонимики.

Изучение поэтической антропонимики - одна из актуальнейших проблем ономастики. В.В. Виноградов писал, что "вопрос о подборе имен, фамилий, прозвищ в художественной литературе, структурных их своеобразиях в разных жанрах и стилях , об их образных и характеристических функциях... не может быть проиллюстрирован немногими примерами. Это очень большая и сложная, тема стилистики художественной литературы".¹

На материале извлеченных из художественных произведений русской литературы антропонимов, изученных нами в данной статье, мы хотим показать, что антропонимическое пространство художественного произведения - существенная часть словаря писателя неотъемлемый элемент индивидуального стиля писателя.

¹ V.V. Vinogradov, *Stilistika. Teoriya poetičeskoj reči. Poetika* (Moskova: İzdatelstvo Akademii Nauk SSSR, 1963), 38.

Когда нет имени – нет и романа

Гюстав Флобер

В литературных антропонимах нередко содержится намек на реальное лицо, послужившее как бы отправной точкой для создания образа. Так, А.С. Грибоедов слегка менял фамилии реальных людей, чьи черты придавал своим персонажам. Безусловно, созданные им образы это не прямая фотография действительности, и не точная копия прототипов во всех проявлениях. Тем не менее, фамилия персонажа «Горе от ума» Репетиллов – это несколько переделанная фамилия Шатилов – сослуживца Грибоедова по Иркутскому полку.² В фамилии Чацкого обычно видят намек на Чаадаева.³

Широко использовал протонимы А.С. Пушкин, выбирая имена своим героям, автор часто использовал имена и фамилии своих знакомых или имена, известные ему из каких-либо источников. Фамилия Гринева, героя «Капитанской дочки», была известна А.С. Пушкину из архива Военной коллегии. Фамилия Ржевский и Троекуров были знакомы поэту из родословных отца и матери. В именовании Карла Ивановича Мейера в «Истории села Горюхина» использованы имя и фамилия гувернера Царскосельского лицея. Герой повести «Гробовщик» получил свое имя Андриян по имени гробовщика, жившего недалеко от дома Гончаровых в Москве и т.п.

Л.Н. Толстой «менял буквы», иногда и слоги для наименования своих героев, но делал это в фамилиях, взятых не «наудачу», а именно соответствующих «прототипам». Так создана фамилия не только Болконских из Волконских, но Ростовых из Толстых. Черновые тексты «Войны и мира» это ясно показывают. Так, в первоначальных набросках мы встречаем первоначально фамилию Толстой, т.е. герой (речь идет о том, кто впоследствии в романе примет имя Николай Ростов) прямо назван именем своего «первообраза». Затем появляется Простой, потом отбрасывается буква «п» и с тем же чередованием, которое мы находим в фамилии Безухий – Безухов, получается окончательная фамилия – Ростов, из черновиков «Плоды просвещения» видно, как этим же приемом Самарин превращен в Сахатова: Самарин- Сахарин- Сахатый - Сахатов. Толстой, несомненно, очень хорошо был знаком с русским фольклором, этим объясняется переход от фамилии Тостого к Ростову: «По ягоду, по клюкву, по хорошу, крупну: я из города Муррома, я барина бурого, я из города Ростова, я барина Толстова».⁴

Этот прием наименования своих героев с помощью незначительной перемены букв в именах их прототипов Толстой применяет не только к фамилиям целых родов, но и к отдельным лицам. Таков, например, Осип Алексеевич Баздеев, который именем, отчеством и фамилией полностью соответствует своему прототипу, известному масону Иосифу Алексеевичу Ноздееву. Таков и Долохов – Дорохов, Вилларский – Гиельгорский и другие. Этот метод использует Толстой не

² А.В. Суперанская; А.В.Суслова, *Sovremenniy russkiye familii* (М.: Nauka, 1981), 42.

³ М.В. Неќкина, *A.S. Gribojedov i dekabristi* (М.: Hudojestvennaya literatura, 1977), 73.

⁴ V. Dal, *Poslovitsy russkogo naroda* (Sankt-Peterburg - M.: Russkiy yazik, 1904-1912), 197.

только в «Войне и мире», но и на всем протяжении своего творчества.

В самом раннем произведении Толстого – повести «Детство» княгиня Корнакова обязана своей фамилией именно тому, что её прототип – Корчакова, переименована только одна буква «ч» на «н». Конструирование фамилии героя переименованием звуков в фамилии прототипа – только основной, но отнюдь не единственный принцип толстовской антропонимии. Так, например, Толстой применяет нередко и другой прием: он разлагает имя прототипа на его составные части и одну часть переносит целиком на имя героя, а другую часть имени прототипа заменяет некоторым его подобием. Так именно образована фамилия Без-ухий из Без-бородко («Война и мир»), Светло-губ из Лизо-губа («Божеское и человеческое»), Симен-сон из Петер-сона («Воскресение»).⁵ Таким образом, использование протонимов в художественной литературе помогает установлению истории художественных образов, вскрывает связь между художественными типами и их прототипами, возможно, рассказывает о характере и судьбе героя.

Самыми «броскими» литературными антропонимами являются «говорящие» имена, иначе «имена-маски». Для художественной литературы 18 века прямо характеризующая литературная антропонимия была обычной, даже господствующей. Ходульные герои классицизма очень часто в своем имени заключали свою сущность. Если образ выражает только одну черту характера, эту черту легко и удобно обозначать одним именем.

Реалистическая литература 19 века отказалась от такого примитивного понимания литературной антропонимии, как она отказалась от примитивизации, однобокого изображения людей. Прямо-характеризующие антропонимы с этого времени сужают сферу своего применения в художественной литературе. Прочно закрепились они лишь в юмористических и сатирических произведениях, в которых имена-характеристики стали не только выражать сущность персонажа, но и высмеивать его. Именно благодаря такому сдвигу и усложнению функций имен-характеристик они сохранились в юмористических и сатирических произведениях, но начали интенсивно исчезать их тех жанров, где повествование ведется в ином эмоциональном ключе.

Прямо-характеризующие имена изредка могут появляться и в несатирических произведениях. Но для появления прямо-характеризующих антропонимов за пределами жанров юмора и сатиры, в литературе 19 века должны быть соблюдены два условия: а) антропонимы эти получают сатирическую окраску; б) они принадлежат эпизодическим персонажам, лишь где-то мелькнувшим на страницах произведения.

В сатирических произведениях имена-характеристики тоже со временем претерпевали существенные изменения. В комедиях Д.И. Фонвизина «говорящими» именами наделялись как отрицательные, так и положительные, как второстепенные, так и главные герои: Вральман, Цифиркин, Кутейкин; Скотинин,

⁵ М. S. Altman, *Imena i propotipi literaturnih geroyev Tolstogo* (Oryol: Uçoniye zapiski Orlovskogo ped. İnstituta. 1959), 97.

Простокова; Правдин, Стародум, Милон. Здесь ещё жива традиция классицизма. Если мы будем анализировать эти фамилии, они такие же, как и все другие русские фамилии, имеют ту же словообразовательную форму, что и подлинные имена. Только две отличаются всех остальных прозвищной формой: честный, стародумный дядя Стародум (от «старый» и «дума») и знатный любовник Милон («милый»). Среди подлинных фамилий подобных нет, но встречаются в произведениях русской литературы 18 века. Иностранную фамилию, придуманную для немца, автор также создал по своим сатирическим правилам: Вральман.

У А.С. Грибоедова, блестяще применившего в «Горе от ума» «говорящие» имена, видим уже иную картину. Знаменательными фамилиями наделены здесь многие действующие лица – Молчалин, Скалозуб, княгиня Хлестова, князь Тугоуховский и др. Но только – не самые основные персонажи. Фамилии Чацкий и Фамусов не являются прямо-характеризующими. Эти фамилии можно этимологизировать, но это далеко не то, что совершенно прозрачная фамилия Скалозуб. Образы Чацкого и Фамусова раскрыты в комедии наиболее глубоко и всесторонне. «Говорящая» фамилия, которая по вполне понятным причинам может указать лишь на одну черту, здесь не содействовала бы раскрытию замысла автора, а лишь мешала бы этому, выдвигая на первый план что-то одно. Иное дело второстепенный персонаж.

После А.С. Грибоедова такая удобная расстановка прямо и косвенно характеризующих имен повторялась многими авторами бесчисленное число раз. Нередко встречаются антропонимы, семантика которых непосредственно связана с профессией, родом занятия. Этот тип «говорящих» фамилий также восходит к 18 веку. В «Недоросле» Фонвизина встречаются два образа: Кутейкин, Цыфиркин.

В рассказах А.П. Чехова также фигурируют антропонимы, связанные с профессией, например: актер Шут Иванович, парикмахер – Гребешков, музыкант Смышчков, дьякон Духов; у Гоголя – учитель словесности с фамилией Деепричастие.

Часто авторы используют фамилии для создания определенной ситуации, конкретной картины. В рассказе А.П. Чехова «Страшная ночь» главный герой сталкивается повсеместно с гробами, а какие фамилии подобрал автор, точно воссоздавая весь ужас ситуации: Панихин, Погостов, Трупов, Упокоев, Черепов. Выбранные фамилии непридуманные, просто подобраны автором и создают тот эффект, который необходим автору.

На наш взгляд, следует различать фамилии, смысл которых непосредственно мотивирован, семантика производящей основы которых связана с какой-то характерной чертой персонажа, с сюжетной ситуацией, и фамилии, характеристическая функция которых связана с общей направленностью произведения. Хотя в основном в сатирических произведениях такое деление не приемлемо, так как фамилии, как главных героев, так и эпизодических персонажей вводились с целью освобождения произведений от излишних повествований, способствовали заострению юмора и сатиры, их семантика поддерживалась идейной направленностью и характером общего лексического состава

художественных произведений.

Более значительной в истории русской литературы оказывается качественная динамика имен-характеристик. Во-первых, база этого вида литературных антропонимов всё время расширяется. Если количество имен-характеристик в истории русской литературы непрерывно сокращается, то количество производящих основ для этих имен непрерывно увеличивается. В результате возникают все новые, все более разнообразные имена-характеристики.

Большим новатором в создании таких имен был Н.В. Гоголь, фамилии которого «выпучены ужасом пошлости или хлещут, как кастаньеты, гротеском». ⁶ Вспомним, имена героев «Мертвых душ». Не только Собакевич, Манилов, Коробочка, но и имена таких эпизодических персонажей, как Свиньин, Трепалкин, Блохин говорят о бескультурье помещиков, носителей этих фамилий. Налицо громадное лексико-семантическое разнообразие имен-характеристик. Помещики Бегушкин, Бикусов, Поцелуев, крестьяне Пробка, Скороплетухин, Милушкин, Неуважай-Корыто и т.д.

В первую очередь именно расширение лексической базы имен-характеристик в русской литературе и привело И.Ильфу и Е. Петрова к любопытному антропонимическому наблюдению, что «нет ни одного гадкого слова, которое не было бы дано человеку в качестве фамилии». ⁷ Отличительной чертой имен в творчестве Н.В. Гоголя можно считать «ассоциации, вызываемые его этимологическим значением и создающие представление не о признаке, а о персонаже в целом, например, Коробочка» ⁸.

Тут уместно привести пример из Пушкина: фамилия Швабрин имела отрицательный оттенок, так как была связана с чем-то грязным. Вообще автор высмеивает Ф. Булгарина, у которого герои были названы разными затейливыми именами: убийца Ножев; взяточник Взяткин; дурак Глаздурин. Создавая реалистическую прозу с неоднозначными, многоплановыми характерами, Пушкин не мог использовать имена, выделявшие только одну черту героя. Для Пушкина характерно использование фамилий, соответствующих реальным, с восстановлением доантропонимического значения, но не до «лобовой» характеристики, а до уровня ассоциативных связей.

Среди фамилий Островского бросается в глаза имя-маска Тигрий Львович Лютов. В русском языке имеется и имя Тигрий, и имя Лев, но подобное сочетание с фамилией Лютый (лютый зверь) представляет собой особый стилистический прием.

Выбранными для своих персонажей фамилиями И.С. Тургенев связывает внутренний мир персонажа и их характер, нередко через их семантику мы

⁶ А.Бель, *Masterstvo Gogolya* (М. 1934), 83.

⁷ И. Илф; Е. Петров, *Sobraniye sochineniy v 5 tomah*, Tom 1 (Moskva: Gostvennoye izdatelstvo hudojestvennoy literatury (Gospolitizdat), 1961), 385.

⁸ М.И. Çeremesina, "K voprosu o funktsiyah liçnih imyon v oçerkah М.Е. Saltikova - Şedrina "Za rubejom", *Uçoniye zapiski Tul'skogo pedagogičeskogo universiteta*, T. 2 (Tula: 1958), 45.

понимаем суть персонажа, например, описывая помещика Александра Силыча Зверкова, писатель подчеркивает: «Наружность самого господина Зверкова мало располагала в его пользу: из широкого, почти четверугольного лица выглядывали мышинные глазки, торчал нос большой и острый, с открытыми ноздрями».

Мы думаем, что выразительным может стать имя с нейтральным этимологическим значением его лексической основы, если возникают несоответствие между ним и персонажем.

Фамилии типа Добчинский и Бобчинский (у Н.Гоголя) характеристик не дают. Они просто смешны, особенно потому, что постоянно выступают в паре, неразлучно. Здесь мы встречаемся со вторым изменением, происходящим в именах-характеристиках на протяжении XIX-XX вв. Закрепившись в сатирической литературе, эти имена, как отмечалось, к собственно характеризующему смыслу присоединили комический смысл. И вот соотношение этих двух функциональных частей «говорящих» имен меняется. Удельный вес собственно характеристики уменьшается, за счет чего удельный вес сатиричности, комичности таких имен возрастает. Имена-характеристики становятся более смешными.

Знаменитый унтер Пришибеев (у А.П. Чехова), как известно, любил пришибать кулаком каждого, кого удавалось. Смысл антропонима ясен. Но на отмеченный смысл накладывается и другое значение – «пришибленный». Фамилия имеет два смысла. И других пришибал, и сам пришибленный. Значение антропонима может резко противопоставляться создаваемому характеру. Так, фамилия Фионы Трусовой (М. Горький «Жизнь Клим Самгина»), казалось бы, может быть расшифрована, исходя из представления о трусости. Но в развернутой авторской характеристике это ожидание опровергается: «Это – Фиона Трусова, ростовщица, все в городе её считают бесжалостной, а она говорит, что ей известен «секрет счастливой жизни»...; «она – дочь кухарки предводителя уездного дворянства, начала счастливую жизнь любовницей его, быстро израсходовала старика, вышла замуж за ювелира, он сошел с ума, потом жила с вице-губернатором, теперь живет с актерами, каждый сезон с новыми; город наполнен анекдотами о её расчетливом цинизме и удивляется её щедрости: она выстроила больницу для детей, а в гимназиях, мужской и женской, у неё больше двадцати стипендиатов». Как видно, её отличает размах, пренебрежение к сплетням, признаки отнюдь не трусливой натуры, и этот контраст помогает осязаемее представить своеобразие, по-видимому, незаурядного характера, искалеченного безнравственностью существующей системы отношений.

Этимология фамилии становится важной для автора, когда ему нужно изобразить тот или иной объект из реальной жизни. Этот процесс хорошо засвидетельствован антропонимическим творчеством М.Е. Салтыкова-Щедрина. В системе эзоповского языка великого сатирика зачастую имена говорят прямо об их носителях, дают им уничтожающую характеристику. Галерея градоначальников города Глумова – это и серия мастерских решений в области имен-характеристик: Прыщ, Перехват-Залихватский, Брудастый, Угрюм-Бурчеев, Негодяев и др. Однако

задача антропонимии М.Е. Салтыкова-Щедрина – не в том, чтобы наименовать негодяя негодяем, а в том, что высечь негодяя за то, что он негодяй. Фамилии Бородавкин, Ламврокакис, Урус-Кильдибаев, Фердыщенко вообще характеристик не дают, но они высмеивают своих носителей.⁹

Эта же тенденция возрастания комичности имени за счет снижения его собственно характеризующей роли заметна и в антропонимии, созданной А.П. Чеховым. «В результате «антропонимический удар» по критикуемому явлению не ослабевает, а наоборот, становится сильнее. Фамилии надзирателя Очумелова, чиновника Запойкина, Глоткина, Гнусова, Ехидова характеризуют, конечно, своих носителей. Но прежде всего они смешны. Характеризующий смысл фамилии, например, золотых дел мастера Хрюкина, чиновника Трясунова весьма невелик, иронический же огромен. Характерную динамику говорящих имен можно отметить и внутри творчества самого писателя. А. Чехов подчас творил и просто смешные фамилии, но чаще вкладывал в них больше сарказма, злости».¹⁰ Сравним: Одеколон Пантолович Подбрюшкин, Ахатов, Вратоадов и Укуси-Каланчеевский, Пауков.

Таким образом, в 19 веке поэтические антропонимы перестали быть абсолютно прозрачными и говорящими. А подобные имена стали использоваться для эпизодических персонажей, в тех случаях, когда автору необходимо было метко охарактеризовать тот или иной персонаж. В связи с двумя вышеназванными распространенными качественными сдвигами имен-характеристик в русской литературе 19 века находится и третье очень важное их изменение. Имена-характеристики становятся более гибкими, они вообще перестают именовать действующее лицо по его чертам «в лоб», избирая окольный, ассоциативный путь, действуя от противоположного.

Порой подобные фамилии основываются на диалектизмах. Негативными ассоциациями отличается фамилия Фуфлыгина из отрывка «На углу маленькой площади» А.С. Пушкина. Она образована от слова «фуфлыга»-прыщ, невзрачный, малорослый человек, продувной мот, гуляка¹¹. Сатирическую заостренность фамилии усиливает сочетание высокого титула с подобной семантикой именованного – графиня Фуфлыгина, а также то, что этот персонаж олицетворяет в произведении русскую аристократию.

В ранних произведениях Н.В. Гоголя («Вечера на хуторе близ Диканьки») встречаемся с поэтичным, жизнерадостным миром. Работа великого художника слова над именем неотрывно связана с общей его работой над языком и во многих случаях должна рассматриваться как словотворчество в результате использования народной диалектной речи в процессе создания нового литературного языка. Таковы: Соломий Черевик (Соломий – ротозей, черевик – башмак; его жена

⁹ Таїç R.U. "Antroponimiya. İstoriya odnogo goroda M.E. Saltıkova – Şedrina", *Materiali k spetskursu* (Çernovtsi, 1969), 103.

¹⁰ L.İ. Kolokolova, *İmena sobstvenniye v rannem tvorçestva A.P. Chehova* (Kiev: İzdatelstvo Kievskogo universiteta, 1951), 94.

¹¹ V. Dal, *Tolkoviy slovar jivogo velikoruskogo yazıka. Sovremennoye napisaniye v 4 tomah*. T.4 (M. 2015), 138.

почтенная Хавронья Никифоровна, или Хивря (Хавронья – искаженное Февронья, Хиврей называют свинью), казак Цыбуля («лук»), запорожец Пузатый Пацюк (пацюк – «черная крыса»), Иван Федорович Шпонька (шпонька – укр. – «запонка, застежка»), фамилия указывает на отсутствие выдающихся качеств и др. Приведенными примерами не исчерпываются гоголевские фамилии, основанные на диалектном материале. К ним относятся и такие, как Кошкарев (кошкарь – разъезжающий по деревням торгаш, меняющий мелочный товар на кошек), Почечуев (почечуй- областное название геморроя), Канапатьев (конопатый – областное веснушчатый). В первой редакции было Конопатьев, но затем Гоголь приводит её в южнорусском произношении: Канапатьев.

В творчестве А.П. Чехова фамилии создавались, как правило, с ясной семантикой основ. Лишь в незначительной части антропонимы являются деэтимологизированными, с грамматическими нарушениями, лишены семантической стройности. В части их при этимологическом анализе выясняется, что основы соответствуют диалектным и областным словам. Например, Алалыкин – обл. алалыка («картавый»), Балабайкин – юж.-зап. балабайка – бабалайка; Белебухин – белебенья («пустомеля, болтун»), Ерыгин – ерыга – «пьяница, мошенник», Кокин – кока («яйцо, лакомство»), Кочкарев – кочкарь («племенной баран»), Ляпунов – ляпун («пачкун», плохой мастер») и другие. Образование фамилий от диалектных и областных слов и форм подчинено стремлению писателей выдерживать свою антропонимическую систему в рамках народной традиции, т.к. большое количество русских фамилий заключило в себе диалектную лексику, многие из них деэтимологизировались и потеряли непосредственную связь с живой лексикой.

Интересным является выбор имен для иностранных персонажей в русской литературе, нередко авторы выбирают имена и фамилии общеизвестные, но необычные и экзотичные. Н.В. Гоголь подчеркивает стремление дворянства брать иноязычные имена, которые считаются более красивыми и благородными, чем русские. Гоголь высмеивает это стремление, используя такие имена в сочетании с отчеством, в основе которого лежит простонародное русское имя: Адельгейда Гавриловна, Маклатура Александровна, Аделаида Софроновна. Такое нарочитое соединение разных по своей природе и далеких друг от друга по стилистической тональности имен производит комическое впечатление.

В именах детей Манилова высмеивается претензия помещика казаться сверхобразованным. В стремлении подражать иностранному Манилов идет дальше существовавшей традиции, называя своих детей не западноевропейскими именами, как это было принято в дворянском обществе, а древнегреческими: Алкид и Фемистоклюс. Последнему имени, как иронически заметил Гоголь, неизвестно почему Манилов дал окончание на «юс», в результате чего имя приобрело вид «отчасти греческого», отчасти латинского и получило комическое звучание.

Привлекая для фамилии иноязычные слова, Чехов также использовал

процесс антропонимизации слов различных тематических категорий и целых словосочетаний, например, из французского языка: Манже («есть, кушать»), Жевузем («я вас люблю»), Пуркуа («для чего?»), из английского: англичанка Тфайс («дважды»). Иноязычные словообразовательные показатели использовались, главным образом, путём их присоединения к основам, выполняющим роль комического элемента в чеховских юмористических рассказах. Например, немецкая частица «фон», присоединяемая к фамилиям лиц дворянского происхождения: баронесса фон Гейленштраль, барон фон Зайниц, фон Гольдауген (семантика первой части фамилии «голь» - нищета в сочетании с частицей фон создает эффект комического). Часто иноязычные частицы соединялись Чеховым с основами такой семантики, что вся формула имени воспринимались иронически, например, фон Кляузен, фон Крах, фон Финтих.

Фамилии иностранного происхождения Чехов любил сопровождать в текстах комментариями юмористического порядка, при этом, не называя самой фамилии, например: «Фамилия Трифона Ивановича длинна как слово «естествоиспытатель», и происходит от очень звучного латинского слова, обозначающего единую из многочисленных человеческих добродетелей («За яблочки»); «Полюбил он, сердешный, одну городскую... Марьей Егоровной, подлая, прозывалась, а фамилия такая чудная, что и не выговоришь» («Осенью»). Подчеркивалась и фонетическая сторона фамилий, например: «Уилька Чарльзовна Тфайс! Тьфу! И не выговоришь» («Дочь Альбиона»), «...баронесса Шепплинг (через два «п»), причем это прибавление делается столько раз, сколько в рассказе употребляется фамилия («Оба лучше»). Художественное произведение – всегда дитя своего века. В каждый период бывает много само собой разумеющихся вещей, с которыми могут перекликаться и реплики, и имена персонажей, и подтекст литературного произведения.

На наш взгляд при изучении художественного произведения имена должны рассматриваться не с точки зрения современного состояния, а с точки зрения особенностей той исторической поры, которая описывается автором в произведении. Даже русская антропонимическая система 18 и 19 веков отличается друг от друга так сильно, что обычные имена и фамилии кажутся выдуманными.

Необходимо, однако, учитывать, что в художественном произведении личные имена, являясь обязательным элементом авторского стиля, должны рассматриваться безотрывно от стиля автора и времени создания произведения. Так, в реальной жизни дочь Кочубея звали не Марией, а Матреной. И это имя было общепринятым среди дворян в начале 18 века и входило в четверку самых частых имен. Но через сто лет в период написания поэмы Пушкин не мог дать имя Матрена, так как оно считалось грубым и дворянки брезговали им. Совсем иначе дело обстояло с именем Мария. И поэтому А.С. Пушкин в поэме «Полтава» пожертвовал подлинным именем, которое придавало бы образу нежелательную окраску.¹²

¹² V.V. Nikonov, *Imya i obšestvo* (M.: Nauka, 1974), 189.

В повести «Бэла» М.Ю. Лермонтова появляются несколько экзотичные имена горцев Бэла, Казбич, которые, в общем-то, у черкесов не употребляются. Только Азамат – имя, действительно, распространенное у горцев. Важна, таким образом, не документальная достоверность, а общий колорит, создаваемый антропонимией. Говоря о соотношении имен персонажей художественного произведения с реальной антропонимической системой, необходимо учитывать литературную традицию.

Социально-дифференцированное употребление личных имен собственных в общенародной речевой практике давало возможность писателям в именах и фамилиях раскрывать взаимоотношения изображаемых слоев общества. Такую изобразительную функцию собственные личные имена стали выполнять с развитием реалистического направления в русской литературе, в произведениях, отражавших живую действительность.

В произведениях классицизма рисовались картины, отвлеченные от реальной действительности, изображались события, отрешенные от национально-исторических особенностей. В соответствии с этим имена действующим лицам давались условные, отвлечённые. Так, в сатирах Кантемира, в произведениях Тредиаковского, Сумарокова действующие лица наделены вымышленными или иноязычными именами: Федор, Дамон, Критон, Тирсис, Аминта, Оронт, Флориза и т.п. Изобразительная роль подобных имен заключалась в том, что они способствовали созданию впечатления отвлеченности образов, их удаленности от реальной русской действительности. С развитием реализма эти имена постепенно выходят из литературного употребления, уступая место реальным именам людей. Наряду с такими условно-отвлечёнными именами в литературе 18 века, в сатирически обличительных произведениях среднего и низкого стиля, были широко распространены и имена-маски, характеризовавшие действующее лицо по какому-либо признаку. Например, Притворнов, Обмралов (Лукин «Щепетильник»), Хватайко, Кривосудов (Капнист «Ябеда») и т.п.

В отличие от условно-отвлечённых имен, эти личные имена имели русский облик и связывали литературные персонажи с русской действительностью. В значении их содержалось указание на тот порок, воплощением которого был персонаж, поэтому такие личные имена служили средством прямой словесной характеристики действующих лиц. В реалистической литературе 19 века подобные фамилии были распространены в тех произведениях, которые характеризовались резкой сатирической направленностью. Например, в романе Измайлова «Евгений» - Негодяев, Подлянков, Лицемеркин и др. Но вместе с тем уже у А.С. Грибоедова намечаются новые приемы использования характеристических фамилий, их функции становятся более сложными. Они указывают не на один какой-либо порок, а на типическое свойство характера персонажа. Молчалин означает не молчаливого, а послушного, исполнительного и угодливого человека, умеющего быть молчаливым, когда это ему выгодно. Фамилии – маски, хотя ещё имеются в «Горе от ума» (Репетиллов, Тугоуховский и др.), но, давая прямолинейную

характеристику персонажа лишь по одной какой-либо черте, они не могли удовлетворять писателя. Такая характеристика – фамилия, действовавшая «прямо и откровенно, как ярлык на бутылке»,¹³ соответствовала одностороннему образу, воплощавшему один какой-либо личный или общественный порок, но она не вмещала в себя более разносторонней характеристики персонажа реалистического произведения. Поэтому Грибоедов использовал и другие виды фамилий: Чацкий, Загорецкий, Хрюмина, Хлестова – заключающие социально-дифференцированные признаки (фамилии на -ский) или содержащие эмоционально-оценочную экспрессию (Хрюмина).

В дальнейшем тенденция наделять отрицательных персонажей характеристическими фамилиями ослабевает. На первый план выступают социально-значимые фамилии. Отрицательные персонажи так же, как и положительные, носят фамилии, соответствующие их социальному положению (сравним с фамилиями Троекуров, Грушницкий), но не заключают в себе каких-либо характеристических признаков.

Имена-маски в реалистической литературе уступают место «нейтральным» именованиям. «Нейтральные» имена, используемые в реалистической литературе, приобретают символическое переосмысление, благодаря своей связи с определенной идеей по ассоциации. Литературный антропоним раскрывается посредством трех типов значений: денотативного, сигнификативного и структурного. Денотат, обозначаемый поэтическим именем, является вымышленным. Вымышленные денотаты являются знаком особого искусственного сигнификата. Структурное значение обнаруживается в формуле и форме имени. Семантическое значение поэтического антропонима выражается посредством восстановления этимологического значения.

Заключение

Итак, мы с уверенностью можем сказать, анализ поэтической антропонимики показывает, что контекст произведения и словарь родного языка составляют почву, на которой рождаются многообразнейшие способы характеристического использования антропонимов. Антропоним в художественном произведении является действенным средством создания образной системы в полном согласовании с его жанровыми особенностями, что позволяет говорить об имени как выразителе жанрово-тематической специфики произведения.

Антропонимическое пространство художественного произведения – существенная часть словаря писателя неотъемлемый элемент индивидуального стиля писателя.

С нашей точки зрения, все многообразие факторов влиявших на выбор русских писателей именования для персонажа: социальная дифференциация,

¹³ N. Moskvitin, *Razgovor o pisatel'skom trude* (M: Nauka, 1957), 29.

семантический, морфологический и фонетический облик именованья, - определялись соответствием имени образу и литературной антропонимике антропонимике реальной.

Антропонимическое творчество русских писателей характеризуется тенденцией к использованию определенных устойчивых антропонимических приемов в соответствии с тематической направленностью произведения.

Основными особенностями антропонимикона писателя является социальная маркированность имени, широкое тяготение к семантике аппелятивов, стремление использовать фонетический облик имени, символичность антропонимов, использование протонимов. Имя персонажа согласуется с авторской концепцией произведения, зачастую становясь выразителем основного смысла произведения, заложенной в нем идеи.

Bevanname:

- 1. Etik Kurul İzni:** Etik Kurul İzni gerekmemektedir.
- 2. Katkı Oranı Beyanı:** Yazar, makaleye başkasının katkıda bulunmadığını beyan etmektedir.
- 3. Çıkar Çatışması Beyanı:** Yazar, herhangi bir çıkar çatışması olmadığını beyan etmektedir.

Declarations:

- 1. Ethics approval:** Not applicable.
- 2. Author contribution:** The author declares no one has contributed to the article.
- 3. Competing interests:** The author declares no competing interests.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ (BIBLIOGRAPHY)

- Altman M.S. *İmena i propotipi literaturnix geroyev Tolstogo*. Oryol: Uçoniye zapiski Orlovskogo ped. İnstituta, 1959.
- Bely A. *Masterstvo Gogolya*. M.: 1934.
- Çeremesina M.I. "K voprosu o funktsiyah liçnih imyon v oçerkah M.E. Saltikova - Şedrina "Za rubejom", *Uçoniye zapiski Tulskego pedagogičeskogo universiteta*, T. 2. Tula: 1958, 45-65.
- Dal V. *Poslovitsı russkogo naroda*. Sankt-Peterburg: - M.: Russkiy yazik, 1904-1912.
- Dal V. *Tolkoviy slovar jivogo velikorusskogo yazıka. Sovremennoye napisaniye v 4 tomah*. T.4. M.: ASR, 2015.
- Ilf I.; E. Petrov. *Sobraniye soçineniy v 5 tomah*, Tom 1. Moskva: Gostvennoye izdatelstvo hudojestvennoy literaturu (Gospolitizdat), 1961.
- Kolokolova L.İ. *İmena sobstvenniye v rannem tvorçestve A.P. Çehova*. Kiev: İzdatelstvo Kievskogo universiteta. 1951.

- Moskvitin N. *Razgovor o pisatel'skom trude*. M: Nauka, 1957.
- Neçkina M.B. *A.S. Griboyedov i dekabristi*. M., Hudojestvennyya literatura, 1977.
- Nikonov V.V. *İmya i obşestvo*. M.: Nauka, 1974.
- Superanskaya A.V.; A.V. Suslova. *Sovremenniye rusскиye familii*. M:Nauka. 1981.
- Taiç R.U. "Antroponimiya. İstoriya odnogo goroda M.E. Saltıkova – Şedrina". *Materialı k spetskursu*. Çernovtsı, 1969.
- Vinogradov, V.V. *Stilistika. Teoriya poetičeskoj reçi. Poetika*. Moskova: İzdatelstvo Akademii Nauk SSSR, 1963.

